

РУНОПЕВЕЦ

Весной 1834 года Элиас Леннрот, собирая древние карело-финские руны для будущей «Калевали», достиг в своих нелегких странствиях отдаленного селения Латва-ярви в Северной Карелии.

Три дня пел Архип свои руны внимательно записывавшему гостю. Всего Леннрот записал от него более четырех тысяч стихов. Руны Архипа поразили искушенного собирателя своей полнотой и завершенностью. Если к этому добавить, что многие основные сюжеты, прославившие затем «Калевалу», Леннрот впервые услышал именно от Архипа, не встретив их у других сказителей, можно понять пережитую им радость состоявшегося художественного открытия. Архип умер семь лет спустя после приезда Леннрота, но сплетые им руны сохранились для потомства.

К сожалению, об этом знаменитом рунопевце, одаренном представителем целого сказительского рода, сохранилось очень мало сведений. Единственным источником являются краткие путевые заметки Леннрота, а также Матиаса Кастрена, финского филолога, посетившего Архипа пятью годами позже. Несколько лет тому назад карельскому фольклористу Т. Вайзинену путем сверни так называемых «исповедальных книг», где обнаружены многократные записи об Архипе и членах его семьи с указанием возраста, удалось установить точные даты жизни рунопевца. Он родился не в 1754 году, как предполагалось ранее, а в 1769 году. Со дня рождения Архипа Ивановича Перттунена исполнилось ровно двести лет.

И сам Леннрот и последующие исследователи считали, что встреча с Архипом и собранный от него песенный урожай помогли Леннроту окончательно утвердиться в мысли о возможности сводного эпоса. Это был поворотный пункт в создании «Калевалы» именно в том виде, в каком карело-финский эпос стал затем известен цивилизованным миру и стяжал себе славу одного из величайших народных эпосов.

Если взглянуть несколько шире на исторические пути к «Калевале» как литературному памятнику, то можно выделить две главные линии, которые постепенно сходились в течение долгих веков: изустная народно-песенная культура и новая, книжная цивилизация. Языческие руны находили прибежище в лесных селениях, а христианская книжность возникла в городах. Однако даже в отдаленные исторические времена полной взаимной изоляции не было. Из глухих, казалось бы, совершенно отторгнутых от «большого мира» лесных уголков шли невидимые токи, народный гений посыпал импульсы, улавливаемые наивными чуткими людьми иной

К двухсотлетию

со дня рождения

Архипа

Перттунена

культурной среды. Не кто иной, как Миниэль Агринола, основатель финской книжности и проводник Реформации, еще в середине шестнадцатого века первый упомянул в одной из своих книг имя Вийянейменина, главного героя карело-финского эпоса, причем упомянул не только в качестве языческого божества, но и «нователя песен» — так обычно именуются в народе и сами рунопевцы. Что среди карельских и финских крестьян немало подлинных поэтов, что народный язык удивительно музыкален — эта мысль постепенно проникала в ученьи мир и все чаще находила себе новые подтверждения. О карело-финской народной поэзии на рубеже XVIII—XIX веков впервые заговорили в Европе. В частности, на десятки языков был переведен тогда один из шедевров карельской лирики — песня «Если бы пришел мой милый», восхищавшая знатоков поэзии поразительной глубиной и беззаветностью выраженного в ней лирического чувства.

Надо сказать, что в ту пору эти редкие жемчужины карело-финской народной поэзии получали известность и так: не ученыe люди ездили к народу в даление лесные деревни, а сами представители народа — крестьяне, странствующие карельские коробейники — случайно оказывались в городах и становились предметом внимания со стороны ученьих, рассказывая им о знаменитых на своей родине рунопевцах и демонстрируя образцы их искусства. Эти рассказы и некоторые носовые сведения заставляли ученьих людей все более склоняться к мысли, что наиболее богатые россыпи народной поэзии таятся в Северной Карелии, что там древние руны сохранились в лучшем виде.

Все это были, однако, еще только предположения и догадки, нуждавшиеся в воплощении. Главная встреча новой культуры с древней поэзией карел была еще впереди, и первым в Северную Карелию устремился Элиас Леннрот.

Встреча Леннрота и Архипа Перттунена была как бы символическим слиянием тех двух линий, о которых говорилось выше. Трехдневное общение Леннрота с выдающимся сказителем явилось

последним толчком, необходимым для того, чтобы древний эпос нарел и финнов обрел новую жизнь. Леннрот мог убедиться, что в сознании самих сказителей эпос жил не в виде разрозненных рун, а слитно, в сивозной художественной непрерывности. Леннрот укрепился в моральном и эстетическом праве соединить руны именно в ту композицию, которую мы имеем в «Калевале».

Леннрот увидел в Архипе Перттунене глубоко художественную натуру, поэта в своих руках и поэта в душе, человека, который относился к своему искусству ревностно и благоговейно. Леннрот отмечал духовную широту Архипа, — он был свободен от многих местных предрассудков, его уважали как настоящего патриарха.

Рунопевческая традиция в Карелии продолжала жить еще много десятилетий. У Архипа были последователи в его собственной семье: его сын Михаил Перттунен стал известным рунопевцем, а в советское время традицию продолжила Татьяна Перттунен. Карелия и сейчас является излюбленным краем фольклора.

Огромна роль «Калевалы» в истории карельской и финской культуры. Еще в прошлом веке она питала многих финских писателей сюжетами и мотивами, поэтическими образами и языковым богатством. Были периоды, когда Карелия, родина древних рун, становилась для финской художественной интеллигенции своего рода менкой, куда устраивались настоящие паломничества. Эйно Лейно, Ян Галиус, Галлен-Каллела, имена которых составляют гордость финской культуры и творчество каждого из которых овеяно фольклорной стихией, считали своим нравственным долгом посетить эти края, чтобы физически прикоснуться к истокам народного искусства. «Калевала» — одно это слово объясняет, зачем мы туда ездили, — эта реплика снульто-ра Эмилии Викстрема весьма красноречива.

Кровное родство с «Калевалой» тем более характеризует литературу и искусство Карелии. Карельские советские писатели, художники, музыканты живут и работают среди своего народа, постоянно ощущая связь с его великой поэтической культурой. И в их сердцах имя Архипа Перттунена, которое по счастливому стечению обстоятельств донесло до нас история, умолчав о многих его предшественниках, отзываетя не музеинм эхом и не прозаической строкой в энциклопедии, а вдохновенным звоном предка — искуснешего нователя дошедшей до нас песни.

Эйно КАРХУ

ПЕТРОЗАВОДСК

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

22 ОКТ 1969